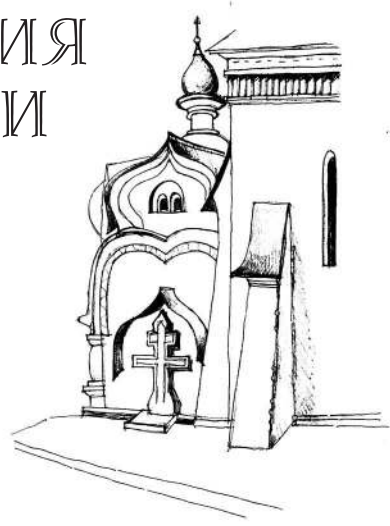
ИСТОРИЯ РОССИИ



70 лет со дня победы в Великой Отечественной войне (1941 — 1945 гг.)

***Наталья* РОЖКОВА**

«ЧИТАЮ ВЗАХЛЁБ МЕМУАРЫ, ПОЭТОВ, ПОСЛОВ И СОЛДАТ...»

Юрий Смирнов

(Отрывок из исследования «Военные мемуары как история и как литература»)

Для современной эпохи характерен повышенный интерес к документальности во многих областях гуманитарных знаний. О степени распространённости документа в литературе последних десятилетий говорят произведения о Великой Отечественной войне.

Особое место занимает мемуарный жанр среди документального материала, отражающего многовековую историю военной сферы человеческой жизни. В сущности, уже хвалебные надписи древних воинов и правителей были в какой-то степени мемуарной фиксацией прошедших событий, ставших историей.

Мемуары – это история, прошедшая через сознание и личную биографию современника, ставшая его жизненным опытом, который художественно осмыслен и запечатлён в художественном тексте. Они являются не только источником, сообщающим об исторических событиях, но и фиксацией взглядов и позиции автора, отшедшего на некоторое временное расстояние. Парадоксальность памяти состоит в том, что прошедшее присутствует в ней, как явление современности. То, что человек помнит, находится с ним сегодня и поэтому современно.

В годы войны произошло огромное количество эпизодов, большинство свидетелей которых погибло, и, если их фиксирует мемуарист, большое значение приобретает историческая информативность мемуарных сведений. Факты, изложенные на страницах воспоминаний, не всегда могут быть сопоставлены с документами, поэтому они уникальны и проверяемы только степенью правдоподобности. В случаях, когда сопоставление возможно, на историю следует смотреть «глазами» документа и «глазами» мемуаристов.

В XX веке классическая жанрология претерпела серьёзные изменения и появилась необходимость в новом осмыслении жанра мемуаров. Так, он близок к исторической и лирической прозе и отчасти ими является, а также к историко-политическому эссе. В случае военных мемуаров данный жанр близок к публицистической, историко-информативной прозе, порой трагическому повествованию, пафосно-победно-одическому взгляду на события. Таким образом, современная мемуарная литература, особенно военная, многослойна по своей жанровой структуре.

К. Симонов писал: «Оценивая нашу мемуарную литературу о войне, надо иметь в виду, что у неё были насильственно задержанные роды, и она потеряла драгоценное – если иметь в виду остроту памяти – десятилетие». Долгое время недоверие к подлинности мемуаров считалось оскорбительным для памяти полководцев. Характерно высказывание композитора Георгия Свиридова: «Мемуары маршала Жукова. Впечатление такое, что писал какой-то сталинистский компьютер. Всё выровнено, утрамбовано, закатано безликим бетоном... Вся жизнь

под контролем». Точка зрения историка Бориса Соколова противоположна: «мемуары маршала Жукова, скорее, своеобразный роман о войне, написанный одним из главных её участников, которого официальная историография умышленно забыла, а маршал, в противовес ей, творил собственный миф войны». Наконец, сам полководец признавал: «Книга воспоминаний наполовину не моя».

При сравнении событий XIX и XX столетий, оказавших влияние на литературные жанры, прослеживается некоторое сходство культурных и общественных ситуаций. В XIX веке происходит обострение между западниками и славянофилами, в XX – разделение на урбанистов и почвенников, дискуссии о физиках и лириках 1960-х отдалённо напоминают споры 1860-х гг. нигилистов и романтиков. Оживление журнальной деятельности («Современник» Некрасова – «Новый мир» Твардовского), вызывает повышение интереса к документу. Публицистика становится доминирующим жанром.

Особая установка на собеседничество, мгновенный читательский отклик отразилась в стилевых направлениях, характерными чертами которых стали как проповеднические, так и исповедальные интонации, хотя, по утверждению прозаика Г. Бакланова, внутренний цензор не позволил военно-мемуарной литературе стать настоящей исповедью.

Конец 1950-х годов отмечен решительным отказом от этикетных форм отражения действительности. Социальные изменения, происшедшие благодаря XX съезду КПСС и разоблачению культа личности И.В. Сталина значительно расширили степень вовлечения литературы в решение задач, до этого находящихся вне её компетенции. Литература стремилась любыми средствами приблизиться к жизни. В газете «Красная звезда» 17 и 27 апреля 1960 года были опубликованы статьи К. Симонова, не только посвящённые собственно предмету мемуаристики, но и содержащие рекомендации методического характера – как добиться рельефности и колоритности в изложении военных событий, сохранить авторскую индивидуальность.

В начале 60-х годов военные воспоминания рассматри-

вались в качестве исторического источника и с литературоведческих позиций. В некоторых исследованиях, опубликованных в тот период, мемуары характеризуются как жанр художественной прозы. В. Кардин, например, отнёс роман Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» к мемуарам, «так как представляет собой в значительной степени военные воспоминания писателя». Другие критики призывали освободить мемуаристику от монопольного влияния беллетристических традиций, делая акцент на исторический аспект. В конечном итоге возобладала концепция, определяющая мемуары одновременно как художественное произведение и исторический источник. Эта двойственность с акцентом на одно из начал – фундаментальное свойство данного жанра.

Ранние мемуары написаны, как правило, по памяти, ибо практический доступ к архивным материалам, столь необходимым для уточнения событий прошлого, был закрыт.

«Положение о Государственном архивном фонде СССР» (1958 г.) сделало многие (хотя далеко не все) документы более доступными для мемуаристов. Важно не только то, что по документам стало возможно уточнить время и место событий, но и осуществление своего рода цепной реакции, когда одно событие вызывает из памяти другое. В том же 1958 году в Воениздате Министерства обороны образован отдел военно-мемуарной литературы. По признанию военачальников, рекомендации сотрудников этого отдела зачастую не носили принципиального характера. В личном архиве моего деда Командующего I Польской армией С.Г. Поплавского сохранилось письмо редактора, где, в частности, указано: «Во многих случаях советские солдаты и офицеры упоминаются только по фамилии. Поляки, как правило, называются по имени и фамилии. Название книги – «За землю предков», следует заменить, например: «Товарищи в борьбе»».

Из-за подобных замечаний книги военачальников часто выхолащивались. Следует также отметить, что отношение автора к событиям в период их свершения и в момент работы над мемуарами не всегда совпадает. Как собственный жизненный опыт, так и социальные изменения в обществе побуждают смотреть на прошлое

по-иному. Наконец, чем больший срок отделяет время создания воспоминаний от реального времени описываемых событий, тем больше нежелательных наслоений. Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян отмечает: «У памяти человеческой много врагов, медленно, но верно подтачивающих её. В их числе неумолимое время, по зернышку выметающее из кладовых памяти многие интересные факты из прожитой жизни. Новые события и новые впечатления порой невольно заставляют нас по-иному осмысливать пережитое, и тогда дела давно минувших дней начинают представляться нам в несколько ином, чем прежде, свете. Много опасностей подобного рода ожидает мемуариста». А.А. Ахматова высказывается более категорично: «Что же касается мемуаров вообще, я предупреждаю читателя, двадцать процентов мемуаров так или иначе фальшивки. Человеческая память устроена так, что она, как прожектор, освещает отдельные моменты, оставляя вокруг неодолимый мрак. При великолепной памяти можно и должно что-то забывать». Однако эти опасности «окупаются» в воспоминаниях непосредственным выражением личности их автора, что является по-своему ценным документом времени.

Как отмечает Л. Левицкий, «мера и характер содержательности мемуаров связаны с личностью автора. Если автор — личность самобытная, то особенно интересен он сам, его мысли и чувства, отношение к тому, что он видел. Если он человек заурядный, то больше привлекает то, что он видел». При всём согласии с исследователем, есть основания полагать: у того, кто осмелился «подступиться» к такому сложному жанру, как мемуары, заурядность исключается. Монолог эгоцентрического повествователя является лишь кажущимся, он превращается в отсроченный диалог с близкими и предшественниками, с национальной и человеческой культурой.